

Камил ИКРАМОВ:

Давайте учиться добру

Камил Икрамов... Прозаик, драматург, публицист... Читателям понравились герои его повестей и романов «Караваны уходят», «Махмуд-канатоходец», «Пехотный капитан»... Миллионы зрителей знакомы с кинолентами, в основу которых легли произведения Икрамова. Это «Красные пески», «Завещание старого мастера»... Совсем недавно опубликованы новые работы Икрамова-публициста — статьи и очерки о Нечерноземье.

Писатель стремится активно вторгаться в жизнь, размышлять о проблемах актуальных.

— Мы часто говорим, что писатель должен вторгаться в жизнь. Что это значит? Великие писатели от Навои и Шекспира до Горького и Хамзы жили жизнью своего народа. Жили и выполняли свой долг. Так должны поступать и мы.

Мы, люди второй половины XX века, осознали новый свой долг, долг перед природой. Мы все чаще и не без оснований рассуждаем о возможных последствиях воздействия человека на все живое, однако было бы наивно надеяться природу высшим разумом, предполагать в ней некое рациональное начало. Бесспорно, что природе надо всячески беречь, нельзя бездумно вторгаться — вот уж именно вторгаться — в ее законы, но следует помнить и о необходимости исправлять то, что было сделано ранее, давно и не очень давно, сделано не по глупости и не от бездумья, а вынужденно, потому что люди, которые жили до нас, тоже имели право есть хлеб, пить воду и растить детей. Жаль мамонтов и зубров, жаль и тех тигров, которые еще полвека назад водились в тугаях Узбекистана и Таджикистана. Но, конечно же, было бы ханжеством игнорировать тот факт, что основным звеном экосистемы являемся мы с вами и те, кто будет жить после нас, наши дети и внуки.

— **Вы собираетесь писать об этом книгу?**

— Не знаю. Скажу только, что «производственная» тема и прямая публицистика никогда не были чужды ни роману, ни рассказу. Георгий Марков в одном из своих выступлений замечательно просто и точно доказал, что учиться писать о так называемой производственной теме следует прежде всего у Льва Толстого. Он привел пример из «Анны Карениной», касающийся Левина. А публицистика в «Войне и мире»? Уверен, что этому жанру нужно учиться в первую очередь у Толстого.

Развитие искусства — процесс внутренний и сложный, писатель, каким бы новатором он ни был, учится постижению жизни у тех, кто творил до него. Без Навои немыслимы лучшие произведения узбекской поэзии, более того, первые шаги узбекской национальной прозы. Однако нельзя забывать и того, что наши лучшие прозаики прошлого А. Кадыри и Айбек уже были обогащены опытом русской классической литературы. Да, главная мысль у лучших писателей очень сходна — все лучшее следует искать в простых людях, их чувствами и мыслями поверять себя ежедневно. А разве не в этом сила, питающая Чингиза Айтматова?

— **Как вы определяете цель своего творчества?**

— Ответ очень прост. Я исхожу из того, что учиться добру много важнее, чем изучать зло. Не то интересно, как злые люди топчут и забивают камнями траву, а то, что трава растет, несмотря ни на что.

— **На основе ваших книг создано несколько художественных фильмов. Заканчивается производство на студии «Узбекфильм» и новой двухсерийной ленты. Как вы относитесь к работе писателя в кино?**

— Часто случается, что фильм весьма отдаленно напоминает первоначальный замысел.

Но это вопрос особый, требующий серьезного разговора. Некоторые режиссеры любят утверждать, что сценарий умирает, когда рождается фильм. К сожалению, и так бывает часто, литература ягненком, отданным на заклание жрецам. Сценарий умирает, а кино выходит мертворожденное. Не потому ли, что убит литературный зародыш? Мне довелось читать некоторые сценарии А. Володина до того, как их читали и ставили режиссеры. Они почти не менялись в переводе на экран. Увы, таких примеров крайне мало. Что же касается нового телефильма, то эта работа мне дороже всех, сделанных ранее. Сценарий о маленькой серьезной девочке и большой серьезной музыке написан совместно с драматургом Ольгой Сидельниковой.

Хочется, чтобы ребенок почерпнул в нем силы и уве-

ренность в себе, а родители извлекли урок не только любви, но и уважения к мыслям и чувствам детей, даже если дети совсем еще маленькие. Прямо скажу: тернист для прозаика путь к экрану. Неведом поэтому и результат контакта со зрителем. Переизданию книг писатель обычно радуется, повторный же показ кинофильмов такой радости иногда и не приносит.

Все чаще думаю о новом сценарии. Я увидел среди делегатов XXVI съезда КПСС одного из членов узбекской семьи, которая давно привлекала меня в целом. Я давно знаю эту семью, люблю ее, но писать о ней «семейный роман» просто невозможно. Представьте себе книгу, в которой действуют восемь женатых братьев и замужних сестер, их отец с матерью, их дед, наконец, их дети, среди которых есть уже вполне взрослые люди. А рассказать об этой семье хотелось давно. Вот тогда я и вспомнил, что в изобразительном искусстве давно уже существует жанр группового портрета, который еще во времена Рембрандта нес в себе огромный социальный смысл. От мысли о живописи я и пришел к решению делать фильм. Сквозь призму одной семьи я хочу показать весь сегодняшний Узбекистан. Год из жизни семьи...

Каждый писатель знает, как трудно уходить от конкретных ситуаций, дающих основу сюжетным линиям. И как опасно уходить от этого слишком далеко... К примеру, один из прототипов главного героя — директор первоцелинного совхоза в Голодной степи, фронтовик, раненый вскоре после форсирования реки Ловать и освобождения Новгородчины от фашистов, изобретатель, чьи машины работают на полях республики, и поэт, настоящий поэт, который до поры не хочет публиковать свои стихи и поэмы.

— **Вы говорите о Худояре Латыпове, который был директором совхоза, носящего имя вашего отца?**

— Угадали. Но теперь Худояр-ака — директор другого совхоза.

— **Тем не менее упоминание о совхозе имени Акмаля Икрамова позволяет мне перейти к последнему вопросу. Правда ли, что вы пишете книгу об отце? Когда и где она выйдет?**

— Вот тут я становлюсь суеверным. Книг у меня много, отец один. Как важно, чтобы эта работа была лучше всех других. Одна из моих последних книг — повесть об Амангельды — вышла в Политиздате в серии «Пламенные революционеры». Критика встретила ее доброжелательно, но и это не успокаивает. Десятки папок с архивными материалами, воспоминаниями, набросками, труды моего отца, вошедшие в его недавно изданный в Ташкенте трехтомник, и то, что не вошло туда, — все это требуется осмыслить и вложить в книгу, где прошлое и настоящее должно выглядеть органично и четко. Отец происходил из семьи, насчитывающей четырнадцать поколений узбекской интеллигенции, сам был весьма образованным юношей, знал четыре языка, но в революцию пришел рабочим со стройки, в двадцать лет с небольшим стал секретарем ЦК Компартии Туркестана и удостоился туркестано и удостоился дважды голосовал за его избрание во ВЦИК. Но это анкетная схема, за которой человек удивительной чистоты и прямоты, подлинный интернационалист-ленинец.

В издательстве книга значится под названием «Добрая воля». Именно доброта его воли и свобода выбора привели Акмаля Икрамова в партию большевиков, потому что счастье своего народа он ставил превыше всего.

Всегда, когда я вижу достижения Узбекистана, его новых людей и новые земли, я думаю об отце. И о единстве прошлого, настоящего и будущего. Как это вместить в книгу?

— **У нас есть традиционное приветствие человеку, занятому доброй работой, — хормар! Не уставайте!**

— Спасибо! Работать без усталости и не знать усталости, что может быть лучше?

Беседу вел
Вил. НИЯЗМАТОВ.